

ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

И снова — Русь бесприютная

Арсений Замостьянов

Прошла всероссийская конференция по итогам конкурса инновационных проектов «Каким должен быть детский дом сегодня?» — и осталась на душе тревога от кричащих социальных проблем, но и радость, потому что мы увидели, как много в России лабораторий, в которых неравнодушные люди разрабатывают педагогику XXI века. Мы услышали оппонентов, которые поразному смотрят на будущее детских домов. Это добрый знак. Если бы конференция стала смотром неотличимых друг от друга догматиков — о ней не стоило бы и вспоминать.

...Есть у Есенина такое стихотворение — «Русь неприютная» (другое название — «Русь беспризорная»), в прежние годы его всегда публиковали с купюрами, из-за которых напрочь сбивался ритм, но мы можем процитировать и самую крамольную строфу:

*В них Пушкин,
Лермонтов,
Кольцов,
И наш Некрасов в них,
В них я.
В них даже Троцкий,
Ленин и Бухарин.
Не потому ль моею грустью
Веет стих,
Глядя на их
Невымытые хари.*

Это про беспризорников Первой мировой и Гражданской. Не мог Есенин пройти мимо них. Поэт уловил главное — то, что, к несчастью, актуально и в XXI веке: в беспризорных детях скрыт огромный потенциал, который страна может спасти, а может и разбазарить. Есенин мечтал написать большое произведение о беспризорнике, «который был на дне жизни, выскочил, овладел судьбой и засиял». Это была главная просветительская задача молодой советской власти: дать «путёвку в жизнь» детям и подросткам, оставшимся без семьи. Не слу-

ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

чайно же первый советский звуковой фильм был посвящён именно этой теме. Он так и назывался — «Путёвка в жизнь». А «Республика ШКИД» Бельих и Пантелеева? Герой этой весёлой и правдивой книги — Викниксор — это же Сорока-Росинский, выдающийся наш педагог.

Литературной энциклопедией учительской борьбы за сердца беспризорников стали канонические произведения Антона Семёновича Макаренко, и прежде всего — «Педагогическая поэма», которая издавалась колоссальными тиражами не только в СССР, но и в Италии, Германии, Китае... Влияние Макаренко мы можем увидеть и в современной американской идеологии. Ведь в США во второй половине XX века произошла настоящая этическая революция: от жёсткого индивидуализма они пришли к едва ли не коллективистским ценностям, от расизма — к политкорректности... На этом пути американцы породили немало карикатурного, немало перегибов, но эта революция позволила им выжить, сохранить огромное государство. Нам не следует копировать их установки — как и они не копировали Макаренко, переосмысляя его идеи. Но скатываться в гангстерский индивидуализм нельзя! А сегодня «Педагогической поэмы» нет в школьной программе. Мы игнорируем важнейший пласт культуры, связанный с идеологией труда, созидания. А ведь ни историю литературы XX века, ни суть современных общественных наук без этой книги не понять...

Педагогам макаренковского поколения было куда труднее, чем нам. После Гражданской пять с половиной миллионов беспризорных или полубеспризорных детей (тогда это была львиная доля всего детского населения) скитались по огромной России. В голодной, разрушенной стране с неопытным государственным аппаратом такая ситуация грозила социальной катастрофой. Но спасением беспризорников занялись люди в кожанках — чекисты во главе с «Железным Феликсом». Сегодня об этих заслугах Лубянки, к сожалению, не принято вспоминать, а ведь многие из нас — потомки тех беспризорников... На всю страну прозвучал призыв Дзержинского: «Все на помощь детям!». Чекисты, привлёкшие к работе и педагогов, стали организаторами сотен детских домов и трудовых коммун. Продукты, предназначенные детям, отправлялись «зелёными» эшелонами — как воинские грузы. Откуда в нищей Российской Федерации двадцатых годов нашлись средства? Тысячи предприятий еженедельно отработывали по два сверхурочных часа «в пользу детей». Беспризорникам досталось и немало экспроприированных богатств — усадьбы, мебель, даже одежда... По «детской карточке» сироты получали паёк лучше красноармейского. «Ясли Басманного района. Приют на Покровке. Не хватает кроватей. Холодно. 25 грудных детей — одна няня» — это одна из сотен подобных записей в дневнике Дзержинского. Сегодня мы стали свидетелями обратного процесса: детдома закрывают, потому что на respectable здания кто-то «положил глаз». Появились технологии экспроприации недвижимости у детей...

Не устаревает банальная истина, что работа с обездоленными детьми, которые «варились» в уголовном мире, требует повышенного душевного накала. Перечитаем слова Макаренко: «Только тот, кто в детстве потерял се-

А.А. Замостьянов. И снова — Русь неприютная

мью, кто не унёс с собою в длинную жизнь никакого запаса тепла, тот хорошо знает, как иногда холодно становится на свете, только тот поймёт, как это дорого стоит — забота и ласка большого человека, человека — богатого и щедрого сердцем». Всё это относится и к современным «трудным детям» из детских домов. Макаренко дал ту самую путёвку в жизнь трём тысячам детей, которые не вернулись к «блатной романтике». Они вошли в когорту творцов индустриализации тридцатых годов: стали врачами, инженерами, рабочими. Как не вспомнить Семёна Афанасьевича и Галину Константиновну Калабалиных, которые продолжили дело своего воспитателя, стали педагогами. Многие макаренковцы отдали жизни на фронтах Великой Отечественной. В чём секрет такого успеха макаренковской коммуны? Великий педагог применил новаторскую технологию: он реализовал расхожий в те годы тезис: «Труд превратил обезьяну в человека» — и превратил производство в воспитательный процесс. Незабываемая макаренковская коммуна была частью большого государственного проекта по спасению детей и перевоспитанию трудных подростков.

Потом была Великая Отечественная, новый взлёт детской беспризорности — и снова государство не бросило обездоленных детей, дало им кров, заботу и образование. Подранки войны стали одним из наиболее успешных поколений в истории России — если судить по масштабам сделанного. Это они превратили Россию в космическую и энергетическую сверхдержаву.

В педагогике не бывает самоигральных гуслей и скатертей самобранок. Говорят, что в тридцатые годы на вопрос «Какой уклон опаснее — правый или левый?» нужно было отвечать: «Опаснее тот, с которым в данный момент меньше боремся». Мы стали меньше думать о воспитании, объявили школу конторой по предоставлению образовательных услуг — и быстро получили деградацию человечности. Если с пороками не бороться — они торжествуют.

Двадцать лет назад мы снова получили армию беспризорных и полубеспризорных детей — в тех же масштабах, что и в годы войн... В девяностые годы в нашей стране свершилась великая криминальная революция. Это не художественный образ, придуманный Станиславом Говорухиным, это неутолимая, печальная правда. Никогда в России не наблюдалось столь продолжительного (более двадцати лет!) и критически взвинченного роста преступности. Критически возросла и подростковая преступность. Никогда убийство в подростковой среде не воспринималось как привычное, банальное происшествие. Это «достижение» последних лет. Современный криминальный мир куда изощрённее и опаснее уголовщины двадцатых годов с её романтическими жиганами. И детей втягивают в преступления с небывалой силой.

Статистика преступлений — материя ненадёжная, многое в этих сферах покрыто мраком. У нас есть более точная статистика роста потребления алкоголя и наркомании — а это косвенное, но самое убедительное свидетельство о вовлечённости наших детей в уголовщину. Потому

ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ

что при годовом потреблении «абсолютного алкоголя» в 26 литров на человека, по данным 2010 года (при пяти литрах в 50–80-е годы прошлого века), взрыв детской и подростковой преступности неизбежен. Да, в прежние годы больше гнали самогона, но зато на порядок меньше было наркомании! Наши политики и публицисты любят обличать коррупцию, бюрократию, объявляют мздоимство в высших эшелонах власти нашей ключевой проблемой. Увы, всё чаще эти заклинания выглядят как демагогическое набирание политических очков. А может быть, начинать нужно с уличного криминала, который охватил полстраны — и прежде всего детей?

Педагоги вынуждены работать с детьми, теряющими человеческий облик. Виктор Иванович Слободчиков — президент Российской Макаренковской ассоциации, член-корреспондент Российской академии образования — нашёл точные слова:

«Как тут не вспомнить Иванушку, который ослушался сестрицу и напился из болота; героя сказки Андерсена — Кая, которому в глаз попал осколок разбитого дьявольского зеркала, и сердце его оледенело; братьев, превращённых в диких птиц. Метафоричность потери человеческого облика будто списана с реалий дня сегодняшнего — с уже привычными нарицательными обобщениями: наркоманы, ущербные, «отморозки». Сироты и дети из неблагополучных семей в нашем насквозь криминализированном обществе — это группа риска.

Бесспорно, в такой ситуации педагогическую работу в интернатах, в детских домах нужно вести с макаренковской одержимостью. Искалеченных детей нужно возвращать к жизни... Может быть, как и девяносто лет назад, педагогам помогут спецслужбы? Ведь это — вопрос государственной безопасности.

Существует два полярных взгляда на будущее осиротевших детей. Многие современные исследователи уверены, что главная задача современного детского дома — подготовка воспитанников к патронату или усыновлению. Значит, именно этой цели нужно подчинить и воспитательную стратегию, и учебные планы. Эти исследователи скептически относятся к воспитательным возможностям государственного интерната. Всё популярнее становится мысль: государственная опека превращает детей в инертных иждивенцев, которые уверены, что страна всю жизнь должна о них заботиться. После детского дома они получают жильё — и не могут адаптироваться к новой жизни. Их душит одиночество. Поход в магазин, планирование личного бюджета — всё вызывает оторопь... Перечисляя эти проблемы, нас приучают к тому, что детский дом — это вообще нечто аномальное, искривление нормы, от которого надо бы избавиться. Неужели представление о детском доме как о «суровой школе жизни» устарело? Или наши исследователи слишком привержены свободной стихии рынка, для которой нужны индивидуалисты, никак не связывающие своё будущее с государством?

А.А. Замостьянов. И снова — Русь бесприютная

Конечно, если посчитать, во сколько рублей обходится государству воспитанник детского дома, патронат покажется более «рентабельным». Но не всё можно измерить рублём.

Противники такой точки зрения предостерегают: патронат и усыновление не гарантируют счастья. Это тонкая хирургия. Мы знаем немало искалеченных судеб детей, от которых родители отказывались дважды. И почему мы должны верить, что в XXI веке коллективизм только мешает? Во время глобальных катастроф, которыми чревата наша эпоха, гибельным представляется как раз индивидуализм. Другое дело, что воспитателей в детских домах всегда не хватает. И тем более, у воспитателей не хватает времени на воспитание. Ведь главная их забота — чтобы дети были одеты, обуты, накормлены... На обсуждение драматических детских взаимоотношений или, скажем, просмотренных фильмов подчас не остаётся ни минуты — да и выдержки не хватает. Психологическая подготовка к адаптации во взрослой жизни тоже проходит «с улыбкой мимо». Правда, это не только детдомовская проблема, это касается и родителей... Сегодня у детских домов достаточно средств: и государство помогает, и спонсоры. И хотя подчас, как на сеансе Воланда, деньги испаряются, сегодня у нас немало материально благополучных детских домов. А вот воспитателей и психологов не хватает... Наверное, пришла пора открывать новые ставки, пришла пора вкладывать деньги в профессионалов, которые способны отдавать детям рабочее время, не думая о приработках.

И ещё один, может быть, самый трагический факт: государство Российское не оказывает ни моральной, ни материальной поддержки макаренковскому направлению. Почему у нас так мало школ-производств, если именно эта воспитательная технология обеспечила успех великому Макаренку? Есть энтузиасты в педагогической среде, но ни в МВД, ни в Минобрнауки, ни в ФСБ макаренковским наследием всерьёз не занимаются.

Куда ж нам плыть? Бессемейных детей в процентном отношении у нас не становится меньше. Они могут стать бедой, но могут и обеспечить процветание страны. Многое зависит от тех, кто отвечает за воспитание детей. Это государственный вопрос. А пока — Русь остаётся бесприютной для многих своих маленьких граждан. Как там у Есенина:

*«Мне вспомнилась печальная история,
История об Оливере Твисте...».*